

✦ Классическое наследие

UDC 575.8

DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_1_7_15

ДЖЕЙМС МАРК БОЛДУИН

НОВЫЙ ФАКТОР В ЭВОЛЮЦИИ*

***Аннотация:** В этой статье американского психолога Дж. М. Болдуина впервые формулируется – под именем «органического отбора», или «нового фактора» эволюции, – то, что позже получило название «эффект Болдуина». Автор анализирует значение адаптаций, возникающих в ходе онтогенеза, для эволюции вида. В первой части статьи обсуждается место «органического отбора» в онтогенетическом и филогенетическом развитии, затрагивается его связь с естественным отбором и наследственностью.*

***Abstract:** In this paper the American psychologist J.M. Baldwin states for the first time, under name of “organic selection” or “a new factor” of evolution, what was called later the “Baldwin effect”. The author analyzes the bearing of adaptations made in ontogeny on the evolution of species. In the first part of the paper, he shows the place of “organic selection” in ontogenetic and phylogenetic development, and considers its connection with natural selection and heredity.*

***Ключевые слова:** эволюция, органический отбор, естественный отбор, эффект Болдуина, онтогенез, филогенез, наследственность, изменчивость, адаптация.*

***Keywords:** evolution, organic selection, natural selection, Baldwin effect, ontogeny, phylogeny, heredity, variation, adaptation.*

В нескольких последних публикациях я развил с разных точек зрения кое-какие соображения, высвечивающие в органической эволюции некоторое влияние, которое я отважусь назвать «новым фактором». Я привожу список этих публикаций ниже (см. прим. 1) и буду по ходу дела на них ссылаться, пользуясь нумерацией в этом списке. Цель настоящей статьи – собрать воедино набросок того видения процесса развития, на которое эти разные публикации опирались.

Проблемы, заключенные в теории органического развития, можно собрать в три большие рубрики: Онтогенез, Филогенез, Наследственность. Общий предмет внимания – или «фактор», который я предлагаю вывести на передний план, –

* Перевод сделан по источнику: Baldwin J.M. A New Factor in Evolution // *American Naturalist*. 1896. Vol. 30. N 354. P. 441-451 (первая часть). Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.

работает в первом случае, в области *Онтогенеза*; поэтому сначала я расскажу о проблеме Онтогенеза, затем о проблеме Филогенеза, насколько это необходимо для обсуждаемой здесь темы, далее о проблеме Наследственности, с тем же ограничением, и под конец приведу некоторые определения и выводы.

I.

Онтогенез: «Органический Отбор» [см.: 2, гл. VII]. Ряд фактов, с которым приходится иметь дело исследователям в этой области, — это факты развития индивидуального существа; и с точки зрения *функций, выполняемых организмом в ходе его жизненной истории*, здесь можно различить два вида фактов. Прежде всего, имеется развитие его наследственного импульса, развертывание его наследственности в формах и функциях, характеризующих его род, в сочетании с теми врожденными изменениями, которые характеризуют отдельного индивида, т.е. конституциональными для него филогенетическими изменениями; и, кроме того, есть ряд функций, актов и т.д., *которые он учится производить самостоятельно в ходе своей жизни*. Все последние, т.е. все *особые модификации, которые организм претерпевает в ходе своего онтогенеза*, были в совокупности названы «приобретенными чертами», и мы можем либо использовать это выражение, либо принять выражение, недавно предложенное Осборном (см. прим. 2), «онтогенетические изменения» (я бы предпочел форму «онтогенетические изменения»), если слово «изменения» вообще выглядит здесь подходящим.

Коль скоро имеются, во-первых, такие новые или модифицированные функции и, во-вторых, такие «приобретенные черты», возникающие, по закону «использования и неиспользования», из этих новых функций, то наш следующий вопрос будет о них. И вопрос вот какой: как организм приходит к видоизменению в ходе своей жизненной истории?

Отвечая на этот вопрос, мы обнаруживаем, что есть три разных вида онтогенетических сил, между которыми нужно провести различие, и каждый из них вносит вклад в создание онтогенетических модификаций, адаптаций или вариаций. Во-первых, это содержащиеся в среде физические силы и влияния, воздействующие на организм и производящие модификации в его форме и функциях. Сюда относятся все химические агенты, напряжения, контакты, препятствия для роста, температурные изменения и т.д. Насколько все эти силы вырабатывают изменения в организме, эти изменения можно считать по большей части «негаданными», или случайными. Силы, которые их создают, я предлагаю назвать «физико-генетическими». Теория онтогенетического развития Спенсера держится в значительной мере на появлении удачных движений, вызванных такими случайными влияниями. Во-вторых, есть класс модификаций, возникающих из спонтанной активности самого организма в ходе отправления его нормальных врожденных функций. Эти вариации и адаптации замечательно видны у растений, у одноклеточных организмов и у очень маленьких детей. Похоже, со стороны организма имеется готовность и способность, так сказать, «быть на высоте положения» и извлекать выгоду из обстоятельств своей жизни. Эти факты были засвидетельствованы Генслоу, Пфэффером и Заксом для растений, Бине и Бунге для

микроорганизмов, Бернгеймом и Жане в области человеческой патологии, Болдуином у детей [см.: 2, гл. VI] (см. прим. 3). Эти изменения я предлагаю назвать «нейро-генетическими», делая упор на то, что у Роменса, Моргана и др. называется «селективной способностью» нервной системы и жизни вообще. В-третьих, есть обширный ряд адаптаций, обеспечиваемых вмешательством сознания, и их мы можем объединить в группу «психо-генетических». Предполагаемые здесь процессы классифицируются в широком смысле как «разумные», т.е. сюда входят подражание, стадные влияния, материнское обучение, уроки удовольствия и боли, а также вообще опыта, рассуждение от средств к целям и т.д.

Итак, мы приходим к следующей схеме:

Онтогенетические изменения	Онтогенетические силы
1. Физико-генетические.	1. Механические.
2. Нейро-генетические.	2. Нервные.
3. Психо-генетические	3. Сознательные. Подражание. Удовольствие и боль. Рассуждение

Теперь очевидно, что есть два очень разных вопроса, возникающих сразу же, как только мы допускаем модификации функции и структуры в онтогенетическом развитии. Во-первых, вопрос о том, как эти изменения могут становиться адаптивными в жизни индивидуального существа. Или, иными словами, какой метод развития и адаптации индивида проявляет себя в знаменитом законе «использования и неиспользования»? Если взглянуть на это функционально, то мы видим, что организму каким-то образом удается аккомодироваться к условиям, которые благоприятны, повторять движения, являющиеся адаптивными, и развиваться тем самым в согласии с принципом использования. Это предполагает некоторого рода отбор из актуальных онтогенетических вариаций; отбираются лишь некоторые из них – некоторые функции и т.д. Некоторые другие возможные и действительные функции и структуры угасают в силу неиспользования.

Каков бы ни был метод делания этого, мы можем на данный момент просто объявить закон использования и неиспользования применимым к онтогенетическому развитию и употреблять выражение «органический отбор» в отношении такого поведения организма, за счет которого приобретаются новые формы или модификации адаптивной функции вкупе с их влиянием на структуру. Вопрос о методе «органического отбора» разбирается ниже (IV); здесь же, повторю, мы просто принимаем то, что в том или ином виде признает каждый, а именно: что такие адаптации функции – «аккомодации», как называет их психолог, процессы обучения новым движениям и т.д. – *происходят*. И тогда мы приходим к другому вопросу, второму: каково место этих адаптаций в общей теории развития?

Эффекты Органического Отбора. Во-первых, результаты действия этого принципа можно заметить в частной жизни отдельного существа.

1. *Благодаря оберегающим адаптациям, или аккомодациям, в особых обстоятельствах существо остается живым* [см.: 2, 1st ed., p. 172 ff.]. Это верно для всех трех сфер онтогенетической изменчивости, приведенной выше таблице. Существа, которые могут выдержать «бурю и натиск» физических влия-

ний среды и изменений, происходящих в среде, *благодаря претерпеванию изменений в их врожденных функциях или в структурах, полученных ими от рождения, — эти существа будут жить, в то время как те, которые не могут, — не будут.* В сфере нейрогенетических изменений мы находим превосходную серию адаптаций как высших, так и низших организмов в ходе онтогенетического развития [см.: 2, гл. IX]. А в высшей сфере, сфере интеллекта (включающей всевозможные феномены сознания, опыт удовольствия и боли, подражание и т.д.), мы обнаруживаем индивидуальные аккомодации поразительных масштабов, достигающие пика в искусных исполнениях человеческой воли, изобретениях и т.д. Прогресс ребенка во всех процессах научения, превращающих его в зрелого человека, лишь иллюстрирует эту высшую форму онтогенетической адаптации [см.: 2, гл. X—XIII].

Все эти случаи ассоциируются в высших организмах, и все они сообща *сохраняют существу жизнь.*

2. За счет этого *сохраняются те врожденные или филогенетические вариации, которые поддаются разумной, подражательной, адаптивной и механической модификации на протяжении всей жизни существ, которые ими обладают.* Другие врожденные вариации, стало быть, не сохраняются. Отсюда образуется более или менее обширный ряд *определенных вариаций в онтогенезе каждого поколения* [см.: 3, 4, 5] (см. прим. 4).

Дальнейшие применения этого принципа перебрасывают нас в область нашего второго вопроса, т.е. филогенеза.

II.

Филогенез: Физическая Наследственность. Вопрос филогенетического развития, разбираемый, насколько возможно, отдельно от вопроса наследственности, — это вопрос о том, какие факторы на самом деле проявляют себя в эволюционном прогрессе из поколения в поколение. Самый важный ряд фактов из выявленных недавно — это факты, обнаруживающие то, что называют «определенной изменчивостью» от поколения к поколению. На этом настаивали палеонтологи. Из двух теорий наследственности, что нынче в ходу, только одна, неоламаркизм, благодаря принятому ей принципу наследования приобретенных характеристик оказалась способна объяснить этот факт определенного филогенетического изменения. Вейсман допускает неадекватность принципа естественного отбора, воздействующего на конкурирующие организмы, для объяснения желаемых изменений, или, как он сам их называет, «правильных изменений в правильном месте» (см. прим. 5).

Я между тем в подробностях разъяснил, что допущение определенных изменений функции в онтогенезе при принятии принципа нейрогенетической и психогенетической адаптации сводит на нет необходимость обращения к ламарковскому фактору. В случае, скажем, инстинктов «если мы не исходим из наличия сознания, то естественный отбор неадекватен, а если допускаем сознание, то нет нужды в наследовании приобретенных черт» [см.: 5].

«Интеллект, о котором здесь идет речь, чтобы занять место инстинкта и породить его, использует эти частичные вариации, тяготеющие в сторону инстин-

кта; так интеллект *дополняет* такие частичные координации, делает их функциональными и *тем самым сохраняет существу жизнь*. По словам проф. Ллойда Моргана, это предотвращает “действие естественного отбора”. Следовательно, предположение, что интеллект работает, оказывается всего лишь предположением, делающим наследование использования излишним. Сохраняя таким образом жизнь, вид обладает всем временем, необходимым для усовершенствования вариаций, требуемых завершённым инстинктом. А если учесть, что требуемая вариация находится не в сколь-нибудь значимой степени на мускульной стороне, а в центрально-мозговых связях, и с точки зрения функциональных целей в лучшем случае незначительна, то гипотеза наследования использования становится не только ненужной, но и, на мой взгляд, совершенно излишней» [см.: 4, р. 439]. Что же касается адаптаций в целом, то «самые пластичные индивиды будут сохраняться и делать те вещи, дающие им преимущества, к которым их вариации показывают их наиболее приспособленными, и следующее поколение будет демонстрировать в своих вариациях усиление именно в этом направлении» [см.: 3, р. 221].

Следовательно, из Органического Отбора мы получаем определенные результаты в сфере филогенеза:

1. *Этот принцип закрепляет за счет выживания некоторые линии определенно-го филогенетического изменения в направлениях определенных онтогенетических адаптаций предыдущего поколения.* Вариации, которые использовались для онтогенетической адаптации в предыдущем поколении, сохраняясь подобным образом, используются более широко в следующем поколении [см.: 3, 4]. «С одной стороны, врожденные изменения выживают и делаются эффективными благодаря использованию для адаптаций в жизни индивида; с другой стороны, адаптации становятся врожденными благодаря дальнейшему прогрессу и улучшению изменчивости по тем же линиям функции, что и те, которые ввело в игру их приобретение индивидом. Но ни в одном, ни в другом случае нет необходимости в принятии ламарковского фактора» [см.: 3]. А в случаях осознанной адаптации: «Мы приходим к точке зрения, придающей органической эволюции, наконец, своего рода разумную направленность; ведь из всех вариаций, тяготеющих в сторону адаптации, но неадекватных для ее осуществления в полном объеме, *будут добавляться и сохраняться только те, которые ум ратифицирует и использует.* К другим же или к некоторым из них применяется принцип “селективной ценности”. Таким образом, естественный отбор отсеивает другие; и *будущее развитие на каждой стадии развития вида должно разворачиваться в направлениях, ратифицированных интеллектom.* Так же и с подражанием. В виде будут выживать только те подражательные действия существа, которые полезны для этого существа; ведь в той мере, в какой оно подражает вредным, оно будет помогать естественному отбору в уничтожении себя. Итак, интеллект и подражание, которое его копирует, будут задавать направление развития сложных инстинктов даже на основе неодарвиновской теории; и в этом смысле мы можем сказать, что сознание — это “фактор”» [см.: 4].

2. *Если среднее филогенетической изменчивости делается таким образом более определенным, то дальнейшие филогенетические изменения ориентируются на это сред-*

нее, и эти изменения опять же используются *Органическим Отбором для онтогенетической адаптации*. Таким образом, происходит непрерывный филогенетический прогресс в направлениях, заданных онтогенетической адаптацией [см.: 3, 4, 5]. «Интеллект дополняет незаметные коадаптации и тем самым придает им селективную ценность; но он не предотвращает приобретения ими последующей селективной ценности как инстинктов, рефлексов и т.п. в ходе дальнейшей изменчивости» [см.: 5]. «Подражательная функция, используя мышечные координации, дополняет их, обеспечивает адаптации, сохраняет существу жизнь, блокирует “действие естественного отбора” и тем самым дает виду все необходимое время для обретения изменений, нужных для полного инстинктивного выполнения данной функции» [см.: 4]. Но: «Сознательное подражание, хотя и блокирует, как мы увидели, действие естественного отбора, сохраняя тем самым жизнь существам, не обладающим инстинктами для выполнения нужных действий, все же не поставляет тех приспособлений, которые обеспечиваются особыми инстинктами, и не мешает им обладать селективной ценностью, о которой говорит Роменс. Соответственно, отталкиваясь от более общего определения интеллекта, включающего в него все осознанное подражание, использование материнского обучения и т.д., — не меньше, чем при отталкивании от более специального определения, — мы все еще находим в действии главную силу естественного отбора» [см.: 5].

3. *Это полностью устраняет ламарковский фактор, насколько речь идет о двух линиях, приводимых в пользу него доказательств*. Во-первых, дискредитируется доказательство, выводимое из функции, «использования и неиспользования», поскольку со стороны «органического отбора» повторное появление в последующих поколениях вариаций, сначала закрепленных в онтогенезе, объясняется без наследования приобретенных характеристик. Так же с доказательством, подчерпнутым из палеонтологии, которое ссылается на прогрессивные вариации, базирующиеся на функциональном использовании и неиспользовании. Во-вторых, доказательства, выведенные из фактов «определенных изменений», поскольку в силу этого принципа мы имеем сохранение таких изменений в филогенезе без наследования приобретенных характеристик.

4. *Но это не Преформизм в старом его смысле, поскольку адаптации, совершающиеся в онтогенетическом развитии и «задающие» направление эволюции, являются целиком или частично функциональными новшествами* (хотя и пользуются врожденными вариациями структуры). И лишь благодаря исполнению этих новых функций существа сохраняют жизнь, приносят потомство и производят тем самым те дальнейшие вариации в структуре, которые могут со временем сделать всю эту функцию, вместе с адекватной ей структурой, врожденной. Аргумент Роменса, исходящий из «частичных коадаптаций» и «селективной ценности», в случае рефлекса и инстинктивных функций представляется верным [см.: 4, 5], в противоположность старому преформистскому или вейсманистскому взгляду, хотя работа *Органического Отбора*, как она теперь объясняется, делает его недейственным, когда он привлекается в поддержку Ламаркизма. «Мы можем представить существ, у которых руки использовались для захвата предмета только так, что большой палец и все остальные пальцы оказывались на одной его стороне, и

которые вдруг впервые обнаружили — под давлением обстоятельств и с вариациями, допускающими дальнейшую адаптацию, — как можно пользоваться большим пальцем для хватания, располагая его на стороне, противоположной другим пальцам, подобно тому, как мы это сейчас делаем.

Представим теперь, что это оказалось настолько полезно, что все молодые существа, которые так не делали, погибли; следующее поколение, приходящее на смену, было бы достаточно пластичным, разумным или подражательным, чтобы тоже так делать. Оно использовало бы те же координаты, не допуская воздействия на него естественного отбора; в результате инстинктивного «захвата большим пальцем» можно было бы ожидать от этого вида до бесконечности, и он приобретался бы как инстинкт вне всякой зависимости от наследования использования» [см.: 4]. «Я привел в пример “захват большим пальцем”, потому что у ребенка мы можем видеть предвосхищение — за счет интеллекта и подражания — использования большого пальца для достижения адаптации, которую Обезьяна, вероятно, приобретает всецело благодаря инстинкту и к которой, скажем, изолированный и слабоумный ребенок тоже приходил бы, на мой взгляд, инстинктивно» [см.: 4].

5. Мне кажется также — хотя я вряд ли осмелюсь вступить в область, относящуюся настолько однозначно к ведению специальной биологии, — что *этот принцип мог бы объяснить не только многие случаи распространенных «определенных изменений», проявляющихся внезапно, скажем, в ископаемых залежах, но и тот факт, что изменения часто кажутся «прерывными»*. Представим, например, каких-нибудь животных, варьирующих в отношении некоторого качества от a до n вокруг среднего x . Среднее x было бы случаем, с наибольшей вероятностью сохраняемым в ископаемой форме (при этом мы понимаем, что случаев таких гораздо больше).

Теперь представим быстрое изменение в среде, такое, что только вариации, располагающиеся ближе к крайности n , могут аккомодироваться к нему, выжить и воспроизвестись. Тогда следующее поколение будет проявлять вариации вокруг среднего n . А шансы ископаемых из этого поколения и последующих будут на стороне существ, приближающихся к n . Здесь наблюдалась бы большая прерывность в цепи, а также распространенное преобладание этих изменений в заданном направлении. Это кажется особенно очевидным, если принять во внимание, что палеонтолог занимается не последовательными поколениями, а далеко отстоящими друг от друга периодами, и самое малое прошествие времени, которое он может принять в расчет, достаточно велико, чтобы дать новое среднее изменчивости, n , в рамках которого многие поколения множились и оставляли соответствующие отложения.

Конечно, в тех случаях, которые не содержат позитивных изменений в структуре и функции, *приобретенных в онтогенезе*, это было бы лишь действием естественного отбора на «заранее сформированные» вариации; но в той мере, в какой такие онтогенетические адаптации на самом деле были, степень отличия среднего n от среднего x была бы больше, и, следовательно, возможности объяснения как внезапного возобладания нового типа, так и его оторванности от прежнего существенно возросли бы. Эта дополнительная возможность связана, соответственно, с фактором «Органического Отбора».

Похоже, мы можем также задействовать все свидетельства, которые обычно приводят в пользу функционального происхождения специфических характеристик и групп характеристик. Здесь крепки позиции ламаркистов, но они остаются столь же крепки, если заменить «наследование приобретенных характеристик» Органическим Отбором. Особенно это верно там, где в дело вмешиваются сознательные и подражательные адаптации, например в случае инстинкта. Это «может дать, например, причину того, что инстинкты часто совпадают в своем охвате с пределами вида. Схожие структуры находят схожие применения своему интеллекту, а также находят выгодными для себя одни и те же подражательные действия. И взаимодействие этих сознательных факторов с естественным отбором приводит к тому, что структурное определение, представляющее вид, и функциональное определение, представляющее инстинкт, в основном совпадают в своих границах» [см.: 5].

6. Отсюда представляется уместным назвать влияние Органического Отбора «новым фактором»; ведь оно дает метод выведения определенных достижений филогенеза из адаптаций онтогенеза без привязки к любой из двух ныне принятых теорий. *Онтогенетические адаптации по-настоящему новы, а не просто исполняются; и они реально воспроизводятся в следующих поколениях, хотя не наследуются физически.*

(Окончание следует)

Примечания

1. Список публикаций:

(1) Imitation: a Chapter in the Natural History of Consciousness // *Mind*. 1894. Vol. 3. N 9 (January). P. 26-55. Цитаты из предыдущих статей можно отыскать в этой статье и в следующем источнике.

(2) *Mental Development in the Child and the Race*. 1st ed. N.Y.: Macmillan & Co, 1895 (October). Настоящая статья расширяет дополнительную главу (гл. XVII), добавленную в немецком и французском изданиях; в третье англоязычное издание она тоже будет включена.

(3) Consciousness and Evolution // *Science*. 1895. Vol. 2. N 34 (August 23). P. 219-223; перепечатана в: *American Naturalist*. 1896. Vol. 30. N 351 (March). P. 249-255.

(4) Heredity and Instinct (I) // *Science*. 1896. Vol. 3. N 64 (March 20). P. 438-441. Обсуждалась в Нью-Йоркской академии наук 31 января 1896 г.

(5) Heredity and Instinct (II) // *Science*. 1896. Vol. 3. N 67 (April 10). P. 558-561.

(6) Physical and Social Heredity // *American Naturalist*. 1896. Vol. 30. N 353 (May). P. 422-428.

(7) Consciousness and Evolution // *Psychological Review*. 1896. Vol. 3. N 3 (May). P. 300-309. Обсуждалась в Американской психологической ассоциации 28 декабря 1896 г.

(Ссылки Болдуина на источники, приведённые в этом списке, а также в авторских примечаниях к статье, в тексте перевода заключены в квадратные скобки. — *Комм. пер.*)

2. Сообщается в: *Science*. 1896. Vol. 3. № 66 (April 3). Также он использовал его в докладе, прочитанном 13 апреля на заседании Нью-Йоркской академии наук. Имеется некоторая путаница между окончаниями «-генический» и «-генетический». Думаю, подходящим будет такое разграничение, которое резервирует первое окончание, «-генический», за теми случаями, когда слово, к которому оно добавляется, квалифицирует термин, используемый активно, в то время как второе, «-генетический», передает схожим образом пассивное обозначение. Соответственно, силам, причинам, влияниям и т.д. будут соответствовать прилагательные «онтогенический», «филогенический» и т.д., а эффектам, последствиям и т.д. — «онтогенетический», «филогенетический» и т.д.

3. См. цитаты в [2, гл. IX], а также в: Огг Н.В. *Theory of Development and Heredity*. L.; N.Y.: Macmillan & Co., 1893. Chap. IV.

4. «Необходимо рассмотреть далее, каким образом определенные реакции одного единичного организма могут отбираться так, чтобы лучше приспособлять организм и давать ему известную историю жиз-

ни. Назовем с самого начала этот процесс “органическим отбором” в противоположность естественному отбору, который оперирует целыми организмами. <...> Если бы он один [естественный отбор] действовал, тогда при всякой перемене в окружающей среде уничтожалось бы все живое за исключением организмов, уже реагирующих в силу случайного видоизменения так, как того требуют изменившиеся условия, — причем всегда видоизменения обнаруживались бы в новых организмах, но никогда новые элементы истории жизни не появлялись бы в старых организмах. По отношению к последним мы должны были бы представлять себе... какое-нибудь изменение старых реакций в организме благодаря влиянию новых условий. <...> Мы должны, следовательно, принять тот взгляд, что новые раздражения, производимые переменами в окружающей среде, сами изменяют реакции... организма... <...> ...факты показывают, во всяком случае, что индивидуальные организмы приобретают новые приспособленности в продолжение своей жизни, и это — наш первый вопрос. Если при разрешении его мы найдем такой принцип, который может служить также принципом развития рода, тогда мы сможем воспользоваться им также против “всемогущества естественного отбора” или для подкрепления его» [2, 1st ed., p. 175-176].

(Цитата приводится по изданию: *Болдуин Д.М. Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. Методы и процессы.* М.: «Московское книгоиздательство», 1911. С. 194-196. Русский перевод книги сделан с 3-го американского издания; соответственно, в приводимой цитате убрано выражение «функциональный отбор», появившееся в этом издании, и возвращено выражение «органический отбор», как было в первом издании; Болдуин снабжает это изменение в тексте специальным примечанием. — *Комм. пер.*)

5. *Monist.* 1896. Vol. 6. № 2 (January). P. 250-293.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 20.01.2022 г. (№ 2463)